

Вторник 6 Февраля.

ХАЦКЕЛЕ Колобойник

(Хацкеле проказник)
в 4-х действ. Баумвайла.

Роль Хацкеле исп. Берта Заславская.

Среда 7 Февраля

КОЛНИДРЕ.

в 4-х действиях.

Четверг 8 Февраля.

ПОТАШ и ПЕРЛАМУТР.

Комедия в 3-х действ.

Пятница 9, Суббота 10 и Воскресенье 11 Февраля.

ПРЕМЬЕРА 1 р. в Петрограде боевая комич.

ОПЕРЕТТА

МАЛКЕЛЭ СОЛДАТ.

в 4 действ. Роль Малкелэ исп. Берта Заславская.

Роль Мерлах Шуольц исп. Рудольф Заславский.

НАЧАЛО РОВНО в 8¹/₂ ч. в. —

ОКОНЧАНИЕ в 11¹/₂ ч. в.

Билеты ежедневно продаются в кассе театра, Бородинская, 6, с 12—3 и с 5—11 час.

Сорабиса, вручение всем одинакового диплома и общий скромный чай.

Таково было чествование героев труда.

Спектакль был посвящен оперетте „Птички певчие“ Оффенбаха в новой постановке В. П. Эрнберга и под музыкальным руководством Макса Купера. Несмотря на то, что отчетный спектакль состоялся неделей позже намеченной даты, тем не менее, он все-таки не шел с той художественной безупречностью, которая является результатом действительно твердой срепетовки.

Но тут опять таки повлияли повидимому непредвиденные обстоятельства. Особенно неудачно распределенными оказались партии трех сестер, исполнение которых оставляло желать много лучшего, как в сценическом, так и в музыкальном отношениях. Передача была лишена необходимой непосредственности. Партия Периколлы была в руках такой опытной артистки, как Бронская, но она оказалась недостаточно бойкой и грациозной, не в должной мере пропитанной Оффенбаховским музыкальным духом, чтобы вполне быть на высоте задачи.

Как, например, ей очень мало удалась сцена, в которой она навеселе, она не произвела необходимого впечатления известными куплетами: „О Боже мой, как все мужчины глупы“; вдобавок мешала не всегда безупречная интонация.

И. А. Большаков в роли уличного певца был очень мало характерен. Не располагая даром перевоплощения в каждой новой задаче, этот опытный артист дает лишь более или менее трафаретный облик. Он не то, что

Журавленко, который и на этот раз выявил свое дарование быть не только Журавленко, а, именно тем, чем он должен быть по роли. В качестве губернатора он одержал блестящую художественную победу.

Успеху отчетного вечера в меньшей степени способствовал также Коржевский, давший уморительный тип полицейского.

Хорош был также И. Соловьев в партии Панателло; тем не менее приходится признать, что Журавленко и Корнеев были главнейшими пособниками выпавшего на долю премьеры успеха.

Постановка Эрнберга была интересна. Музыкальная сторона шла далеко не безупречно; были шатанья, спорные ритмические места и купюры.

Вряд ли можно также сочувствовать введению русской колыбельной Гречанинова на сон грядущий уличной испанской певички.

Синтетический вечер Утесова.

Это был даже не успех. Скорее какой-то бешеный фурор, необычайная сенсация. Битком набитый театр. Публика неистовствовала, аплодировала и галерка бесновалась, как в доброе старое время. Спектакль, который, судя по всему, грозил быть очередной „гросс-халтурой“, превратился в один из интереснейших вечеров.

Сознаюсь чистосердечно, я сам шел не без предубеждения. Подумайте только: Утесов—Раскольников! Куда ему!

И вот, победа оказалась все таки за „одесским куплетистом“. Конечно, ему

еще очень и очень много придется поработать над своею речью и вытравить остатки неприятного акцента, который нет-нет да и прорвется наружу. Но у него столько темперамента, столько техники, что успех я думаю—обеспечен.

Партнером Утесова был К. Яковлев. Говорить об его игре—ничего: ролью Порфирия Петровича он уже давно создал себе имя.

Утесов очень недурно сыграл на скрипке, станцовал и исполнил два опереточных дуэта с Лопуховой. Но самый большой успех выпал на долю его „Цирка“ и финального „Хора“, не говоря уже об остроумном „американском скэтче“ из еврейской жизни—„Дуэль“. Утесов—гимнаст, танцор, певец, скрипач, трагик и, наконец—цирковый рыжий, великолепный рыжий и эксцентрик.

Конечно, Утесов все таки прежде всего артист эстрады. Но он изумительный работник и потому „кто знает, что завтра его ждет впереди“... Синтетизма разумеется, никакого в этот вечер не было: но зато был разносторонний талантливый артист, доставивший публике громадное наслаждение.

Вечер окончился около часа ночи, несмотря на то, что значительную часть программы (рассказы, романсы и т. п.) пришлось выкинуть. Г. Крыжицкий.

Псиша.

Беляевская „Псиша“—хрупкая, тончайшей работы вещица, требующая очень бережного обращения и филигранной отделки исполнения. К сожалению 30 января, на устроенном в „Паласе“ „Неделей помощи школе“ представлении „Псиши“ вся филигрань заключалась только в том, что большинство исполнителей совершенно не знало ролей. Наквозь исхалтурившиеся александринцы плохо помогли школе, провалив бедную „Псишу“. А между тем, казалось бы, именно в таких спектаклях, когда играют не за страх, а за совесть, халтура уместна меньше всего.

Очень жаль бедную „дебютантку“ Е. В. Лопухову, очутившуюся в блестящем антураже александринских халтурщиков. Ролью Лизы Лопухова доказала, что она не только прекрасная танцовщица, но что из нее выйдет со временем отличная драматическая артистка.

Но, к сожалению, кроме Лопуховой

Псиши смотреть и слушать (кроме суфлера и неудачно подобранных декораций) было нечего.

Пьеса не срепетована, играли, очевидно, с двух-трех репетиций, а потому не было спайки. Не интересно и не весело; а, ведь, в „Псише“ есть над чем и посмеяться, есть над чем и поплакать...

Слаб был, прежде всего партнер Лопуховой, „первый танцор“ Калугина, Иван Плетень (Южаков), тяжеловесный и деревянный.

Но самая неудачная фигура, разумеется, сам помещик Калугин-Бороздин. Форменный ничто. Что называется ни Богу свечка, ни чорту кочерга. Ничего не сделала, к сожалению, из своей роли на этот раз и Корчагина Александровская, весьма выразительно позевывавшая на сцене (не без сочувствия со стороны публики). Неожиданно плох был и К. Яковлев в великолепной и наредкость авантажной роли Турки; он только вяло бродил по сцене и вертел своей чудовищной нагайкой, словно тросточкой. И если бы не Чижевская, заставившая на несколько мгновений встрепенуться весь зал глубоко-трагическим образом старой крепостной актрисы-пьяницы Сорокодумовой, то было бы и совсем скучно. Она, да еще Орлов в маленькой роли танцмейстера Маледиктова,—вот и все, что было интересного в „ансамбле“.

Несмотря на широковещательные афиши в зале было полупусто. К.

Филармонические концерты.

Вступительное слово, которым проф. Ю. Л. Карнович, открыл посвященный творчеству Н. А. Римского-Корсакова симфонический вечер, в ярких чертах обрисовало значение и личность нашего русского Берлиоза.

И все-таки его живое слово казалось сравнительно бледным в сравнении с той красочной палитрой, которой засверкало от самой музыки Римского-Корсакова. Да и возможно ли словами передать то, что выражено композитором в тысячами огней искрящихся партитурах. А в данном случае в программу были включены наиболее пожалуй колоритные произведения его, как то „Шехеразада“ и „Испанское каприччио, в которых выявлен автором такой фейерверк оркестровых эффектов, что конкурировать с ними не смог бы пожалуй сам Демосфен.